

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.512.161

А. С. Аврутина

О СПЕЦИФИКЕ МОРФОНОЛОГИИ КАК ОСОБОЙ ПОДСИСТЕМЫ ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКА)

На лингвистической секции XXVII Международной научной конференции по источниковедению и историографии стран Азии и Африки «Локальное наследие и глобальная перспектива», прошедшей 24–26 апреля 2013 г. на Восточном факультете СПбГУ, прозвучали два доклада, которые, на взгляд автора настоящей статьи, стали знаковыми, так как авторы поставили под сомнение существование в некоторых восточных языках явлений, присутствие которых прежде ни у кого сомнений не вызывало. Речь идет о докладе В. Б. Касевича «Существуют ли восточные языки?» [1] (это был пленарный доклад) и докладе О. В. Лукина «Есть ли части речи в китайском языке? (Размышления о типологии и лингвистической историографии)» [2].

Автор первого доклада, В. Б. Касевич, усомнился в правомочности употребления термина «восточные языки», *если* этот термин имеет лишь географический смысл: в таком случае следовало бы ожидать появления таких терминов, как южные и северные, западные и восточные языки. Однако подобной классификации не существует. В то же время автор выявил ряд характеристик, присущих исключительно языкам Востока, среди которых (характеристик), на наш взгляд, выделяются три: 1) особое фонологическое устройство (существование слоговых языков); 2) достаточно неопределенная структура слова: его отграниченность от словосочетания во многом условна, а материал некоторых языков дает основания говорить об особой единице языка, *слогоморфеме*; 3) факультативность грамматических показателей. Это продемонстрировало: употребление термина «восточные языки» имеет типологический смысл [1, с. 294].

Автор второго доклада, О. В. Лукин, усомнился в существовании в китайском языке частей речи, интерес к которым возник в китайском языкознании только в XIX в. под влиянием европейской грамматической традиции [2, с. 299].

Аврutiна Аполлинария Сергеевна — канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: apollinaria1@yandex.ru

Таким образом, мы видим, что материал восточных языков нередко дает возможность усомниться в существовании единиц и элементов системы, наличие которых, казалось бы, не вызывало никаких сомнений. Что касается самой языковой системы, хотелось бы дать некоторые пояснения, которые бы представили понятийно-терминологический аппарат, используемый автором настоящей статьи.

Под *системой*, как известно, понимается замкнутое множество взаимодействующих элементов, иными словами, совокупность элементов, находящихся в определенных отношениях и связях между собой и образующих определенную целостность, единство [3, с. 408]. Для системы характерно не только наличие связей и отношений между образующими ее элементами, но и неразрывное единство со средой, во взаимоотношениях с которой система проявляет свою целостность. В результате любая система может быть рассмотрена как элемент системы более высокого порядка, т. е. *надсистемы*, а ее элементы могут выступать в качестве систем более низкого порядка, или *подсистем* [3, с. 408, 437, 511].

Ф. де Соссюр дает следующее определение *языку*: «Это грамматическая система, потенциально существующая в каждом мозгу или, лучше сказать, в мозгах целой совокупности индивидов, ибо язык не существует полностью ни в одном из них, он существует в полной мере лишь в массе» [4, с. 19]. Итак, *язык*, существующий «в сознании всех членов данной языковой общности» [5, с. 9], следует рассматривать как систему знаний, состоящую из приспособленных для коммуникации единиц. Соссюр характеризует язык как определенную, важнейшую часть речевой деятельности (*langage*). С одной стороны, язык — социальный продукт речевой способности, с другой — совокупность необходимых условий, усвоенных общественным коллективом для осуществления этой способности у отдельных лиц. Язык есть «замкнутое целое, нечто усвоенное и условное, следовательно, язык зависит от природного инстинкта, а не предопределяет его» [4, с. 15].

В отличие от понятия *язык*, *речь* — это знак или цепочки знаков, введенные в акт коммуникации и представляющие какое-либо мыслительное содержание, т. е. информацию, смысл [6, с. 276]. Под *знаком* здесь понимается физическое образование, производимое человеком физиологическим или физическим путем, воспринимаемое органами чувств и несущее информацию.

Любая языковая система/подсистема обладает аппаратом инвентарных и правилами порождения конструктивных единиц. Например, в морфологической подсистеме языка *инвентарными единицами* следует считать морфемы, слова, речевые реализации которых становятся высказываниями либо служат строительным материалом, из которого строятся высказывания. А под *конструктивными единицами* следует понимать *модели*, отвлекаемые от структур *конкретных морфологических конструкций (словформ)* в речи; схемы, программы построения этих моделей при порождении речевых единиц.

Варьирование размытой, как уже было сказано выше, структуры слова в восточных языках подчас позволяет говорить об отсутствии в языке тех или иных подсистем и, как следствие, их инвентарных и конструктивных единиц: например, во вьетнамском языке практически нет морфологии, что, соответственно, ставит под вопрос существование морфемы [7, с. 86].

За звуковую организацию речи ответственными оправданно считать две подсистемы языка — *фонологическую* и *морфонологическую*. Именно работа этих двух

подсистем ведет к звуковой реализации речи, осуществляемой в соответствии с фонологическими качествами фонем, а также фонологическими и морфонологическими правилами того или иного языка.

В научной литературе существует множество определений термина *фонология*. Представляется целесообразным привести некоторые из них. По Н. С. Трубецкому фонология представляет собой учение о звуках языка, или, иными словами, о том, «что в составе звука несет определенную функцию в системе языка» [5, с. 18]. Согласно В. Б. Касевичу и другим авторам, фонология существует как относительно автономная система языка [8, с. 5]. Звуками же, точнее звуковой реализацией человеческой речи [9, с. 4–5], как принято считать в современной науке, занимается *фонетика*, которую иногда еще именуют «физиологией звуков человеческой речи» [10, с. 110].

Под *морфонологией* исследователи часто понимают раздел фонологии, изучающий фонемное строение словоформ [11]. По мнению А. Мартине, от термина «морфонология» вообще следует отказаться, так как наблюдаемые изменения в фонологическом облике слов, относимые к морфонологии, в действительности не имеют ничего общего с фонологией, потому что они обусловлены чисто морфологически [12, р. 96]. Похожего мнения придерживался и А. А. Реформатский, который определял морфонологию как особую область языка, которая изучает нефонологические чередования. В агглютинирующих языках, где имеется сингармонизм, состав гласных корней и аффиксов разный, речь может идти об отсутствии фонологических позиций и в целом фонологических условий — и именно подобные вещи и являются прямой задачей морфонологии, важной функцией которой является изучение фонемного состава морфем, их возможных сочетаний в морфемах, а также их количества в морфемах разного типа [13, с. 286]. В. Б. Касевич определяет морфонологию как «фонологию в действии, фонологию значимых единиц», с одной стороны, и озвученные «морфологию, словообразование, синтаксис» — с другой. Морфонологией при этом называется дисциплина, которая занимается установлением основных вариантов морфем и правил перехода от основного варианта ко всем остальным алломорфам [14, с. 54]. Н. С. Трубецкой, разрабатывая теорию альтернатив И. А. Бодуэна де Куртенэ, посвященную регулярному чередованию фонем в разных вариантах одной и той же морфемы, и предложил термин «морфонология» [15, с. 226]. По Трубецкому, под морфонологией, или *морфофонологией*, понимается исследование морфологического использования фонологических средств языка [16, с. 115]. По его мнению, морфонология является связующим звеном между морфологией и фонологией, и теория морфонологии состоит из трех разделов:

- 1) теории фонологической структуры морфем;
- 2) теории комбинаторных звуковых изменений, которым подвергаются отдельные морфемы в морфемных сочетаниях;
- 3) теории звуковых чередований, выполняющих морфологическую функцию [16, с. 116–117].

Д. Вортом был разработан так называемый «динамический» или «синтезирующий» подход в морфонологии, важнейшие принципы которого перечислены ниже.

- 1) Каждая морфема за исключением супплетивных (типа *кот* — *кош(ка)*) и вариантных (типа *галош(а)* ~ *калош(а)*) имеет ровно одно основное (исходное) морфо-

нологическое представление, которое строится путем «снятия» наблюдаемых в данной морфеме чередований.

2) Единицей морфонологического описания является морфонема, понимаемая как единица морфонологического, или глубинного уровня представления словоформ, принципиально отличного от фонологического-фонетического, или поверхностного уровня, основной единицей которого является фонема.

3) Все морфонологические правила чередований действуют раньше всех фонологических-фонетических (автоматических); смешение двух этих групп правил недопустимо [17].

Хорошо известно, что, согласно представлениям Н. С. Трубецкого и Пражской лингвистической школы, инвентарной единицей морфонологической подсистемы языка является *морфонема* — «сложный образ» либо, точнее, «сложный комплекс» двух или нескольких фонем, способных замещать друг друга в пределах одной и той же морфемы в зависимости от условий морфонологической структуры [18, с. 124]. Позднее не всегда удачные попытки определить *морфофонема* в терминах дифференциальных признаков привели к тому, что этот термин в настоящее время был переосмыслен и обозначает совокупность фонем, чередующихся в одной морфеме [15, с. 227].

Однако фактическое существование данной единицы, а также принципы ее анализа, изложенные выше, вызывают ряд сомнений, как минимум, когда речь идет об агглютинирующих, тюркских языках.

Не вполне ясными оказываются и принципы выбора основного варианта морфемы. Рассмотрим пример: чередование фонем /r/ ~ /z/ ~ /Ø/ в формоизменении настоящего-будущего времени с показателем /Ar/¹ в современном турецком языке (хотелось бы особо подчеркнуть тот факт, что в качестве примеров мы будем использовать исконно тюркскую лексику, не принимая во внимание пласт арабо-персидских заимствований, функционирующий в языке практически по самостоятельным правилам):

giderim 'я пойду', *gitmem* 'я не пойду';
gideriz 'мы пойдем', *gitmeyiz* 'мы не пойдем';
alırım 'я возьму', *almam* 'я не возьму';
alırız 'мы возьмем', *almayız* 'мы не возьмем'.

Другой пример, с формой исходного и местного падежей:

Ev 'дом' — *evden* 'из дома' — *evde* 'в доме';
Av 'охота' — *avdan* 'с охоты' — *avda* 'на охоте'.

Анализируя примеры, предлагаемые лексиконом современного турецкого языка, трудно определить, какой именно вариант является основным для соответствующих морфем — с огласовкой /Ar/ или /Er/.

Иным примером может послужить аффикс категории принадлежности, где вокализм аффикса представлен уже не двумя, а четырьмя вариантами с огласовкой /İ/ — /I/ — /U/ — /Ü/ [19, с. 74]:

Baba 'отец' — *kardeş* 'брат' — *su* 'вода' — *öykü* 'рассказ'
Babası 'его отец' — *kardeşi* 'его брат' — *suyu* 'его вода' — *öyküsü* 'его рассказ'

¹ Заглавная буква для обозначения гласной фонемы используется, чтобы показать варьирующий вокализм аффикса.

Babamız 'наш отец' — *kardeşimiz* 'наш брат' — *suyumuz* 'наша вода' — *öykümüz* 'наш рассказ'.

Babanız 'ваш отец' — *kardeşiniz* 'ваш брат' — *suyunuz* 'ваша вода' — *öykünüz* 'ваш рассказ'.

Для решения этого вопроса можно попытаться обратиться, во-первых, к статистике, а во-вторых, к истории тюркских языков.

Дело в том, что основной вариант естественно считать немаркированным, а для немаркированных членов оппозиции характерна большая частотность употребления [20]. Предварительные материалы статистического обследования показывают, что, например, в турецком языке аффиксы с огласовкой /A/ по своей частотности превосходят аффиксы с огласовкой /E/, а аффиксы с огласовкой /İ/ — /I/ превосходят аффиксы с огласовкой /U/ — /Ü/, таким образом, как будто бы можно сделать вывод, что аффиксы с огласовкой /A/ и /İ/ — /I/, соответственно, могут быть основными.

В некоторых тюркологических трудах 2-й половины XX в. неявным образом именно аффиксы с указанной огласовкой считались исходными [21, с. 406]. Это выразалось в том, что в парадигмах приводились лишь словоформы с подобной огласовкой, а остальные словоформы показывались как производные от них.

Любопытен в этом отношении материал рунических памятников, где можно увидеть, что в грамматике древнего языка, демонстрирующей становление множества фонологических и морфонологических процессов, которые найдут свое отражение позднее в тюркских языках в новое и новейшее время, широко используются именно те аффиксы, которые для современного языка могут быть сочтены основными (см. материал рунических памятников в классическом издании С. Е. Малова, а также «Граматику языка тюркских рунических памятников VII–IX вв.» А. Н. Кононова). Разумеется, обращения к диахронии не являются законными при решении проблем синхронной грамматики, но не стоит забывать и о том, что губная гармония гласных появилась в тюркских языках не сразу, намного позже небной (и, в частности, в языке древнетюркских рунических памятников многие категории не имели губных вариантов аффиксов, например, категория принадлежности). Аффиксы рассмотренных выше падежей в материале языка рунических памятников демонстрируют по два варианта огласовки аффиксов — переднерядный и заднерядный.

Материал тофаларского языка, который считают одним из наиболее близких к древним языкам, демонстрирует еще более интересную картину: в этом языке в рамках одной категории (например категории принадлежности) могут употребляться как аффиксы с двойным вариантом огласовки, так и аффиксы с четырьмя вариантами огласовки [21, с. 382; 22, с. 241–243].

Г. П. Мельников писал, что постпозитивные аффиксы в урало-алтайских языках, основывающиеся на прогрессивной ассимиляции, определяют разнообразие сингармонистических окрасок слова лишь в случае достаточно большого числа звукоtypов в системе вокализма аффиксов, и что подобный процесс определяет именно богатство состава гласных в вокалических системах урало-алтайских языков [23, с. 346–347], варьирование которых определяется функциональным значением, коммуникативной необходимостью агглютинативных языков [23, с. 347], а не просто «традицией», «которая не имеет ни смысловой необходимости, ни фонетической

вынужденности» [13, с.279], как писал А. А. Реформатский об индоевропейских, флективных языках.

Возвращаясь к современному состоянию тюркской морфонологии, подчеркнем еще раз, что одна и та же проблема для языков разного строя — проблема определения основного варианта морфемы — решается в этих языках с опорой на разные признаки. Если во флективных языках это эмпирические свидетельства большей/меньшей «естественности» вывода всех «неосновных» вариантов из основного (частотность выступает, скорее, как следствие), то в агглютинативных языках именно сингармонические условия выступают на первый план.

С этим хорошо согласуются и диахронические свидетельства.

Литература

1. Касевич В. Б. Существуют ли восточные языки? // Локальное наследие и глобальная перспектива. «Традиционализм» и «революционизм» на Востоке: тез. докл. XXVII Междунар. науч. конф. по источниковедению и историографии стран Азии и Африки, 24–26 апреля 2013 г. СПб.: ВФ СПбГУ, 2013. С. 294–295.
2. Лукин О. В. Есть ли части речи в китайском языке? (Размышления о типологии и лингвистикографии) // Локальное наследие и глобальная перспектива. «Традиционализм» и «революционизм» на Востоке: тез. докл. XXVII Междунар. науч. конф. по источниковедению и историографии стран Азии и Африки, 24–26 апреля 2013 г. СПб.: ВФ СПбГУ, 2013. С. 298–299.
3. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. М.: Политиздат, 1991. 559 с.
4. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / пер. с фр. А. М. Сухотина. М.: Логос, 1998. XXIX, 235, XXII с.
5. Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М.: Аспект-Пресс, 2000. 352 с.
6. Мельников Г. П. Системология и языковые аспекты кибернетики. М.: Советское Радио, 1978. 368 с.
7. Панфилов В. С. Грамматический строй вьетнамского языка. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1993. 412 с.
8. Касевич В. Б. Морфонология. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. 160 с.
9. Зиндер Л. Р. Общая фонетика. М.: Высшая школа, 1979. 312 с.
10. Щерба Л. В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. I. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1958. 182 с.
11. Кубрякова Е. С. Морфонология // Большая Советская Энциклопедия. 3-е изд. Т. 16. М.: Советская энциклопедия, 1974. С. 607.
12. Martinet A. *Éléments de linguistique générale*. Paris: Librairie Armand Colin, 1960. 223 p.
13. Реформатский А. А. Введение в языковедение. М.: Аспект-Пресс, 2000. 536 с.
14. Касевич В. Б. Элементы общей лингвистики. М.: Наука, 1977. 177 с.
15. Березин Ф. М. История лингвистических учений. М.: Высшая школа, 1975. 303 с.
16. Трубецкой Н. С. Некоторые соображения относительно морфонологии // Пражский лингвистический кружок. М.: Прогресс, 1967. С. 115–119.
17. Ворт Д. «Морфонология». URL: <http://files.school-collection.edu.ru/dlrstore/9d347d95-b8c5-6d53-7889-417c3b122689/1006968A.htm> (дата обращения: 22.04.2013).
18. Вахек Й. Лингвистический словарь Пражской школы. М.: Прогресс, 1964. 350 с.
19. Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 569 с.
20. Гринберг Дж. Квантитативный подход к морфологической типологии языков // Новое в лингвистике. Вып. III. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1963. С. 60–94.
21. Языки мира. Тюркские языки / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Индрик, 1997. 544 с.
22. Рассадин В. И. Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-удэ: Бурятское книжное издательство, 1971. 252 с.
23. Мельников Г. П. Системная типология языков. Принципы, методы, модели. М.: Наука, 2003. 395 с.

Статья поступила в редакцию 25 июня 2013 г.